

Распорядившись обо всем, Хо Фэнле сразу уехал в лагерь. Ему нужно было лично подготовить армию семьи Хо и свою гвардию к предстоящему отсутствию.

Лю Чжэньцин полагал, что генерал возьмет с собой хотя бы небольшой отряд сопровождения, но внезапно узнал, что они отправляются в путь вдвоем. От такой перспективы у него волосы встали дыбом.

Пока Лю Чжэньцин уныло вздыхал в Дворике Снежного Пуха, до двоих сорванцов дошли слухи о его скором отъезде, и они тут же примчались к нему.

— Ты правда уезжаешь? — надула губы Хо Юньцы. — Но ведь дела семьи Лю еще не улажены. Чем тебе плохо в генеральском поместье? Драться ты совершенно не умеешь, оружия в руках не держал... Зачем тебе тащиться со вторым дядей на юг, разбираться с этими экзаменами?

Лю Чжэньцин со вздохом развел руками:

— Может, ты сама попробуешь переубедить своего дядю?

Хо Юньцы тут же прикусила язык. В разговор вмешался Хо Юньцзянь:

— Раз второй дядя так решил, значит, у него есть веские причины. Дядюшка Лю, мы приготовили для тебя кое-какие вещи. Надеемся, они пригодятся в дороге.

С этими словами мальчик опустил на стол увесистый узел, который до этого держал в руках. Когда он развязал ткань, наружу посыпались самые разные вещи: оружие, склянки с лекарствами, защитные пластины, карты и дорожные свитки. Всё это явно было из их личных, бережно хранимых запасов.

Взглянув на эту грудку сокровищ, Лю Чжэньцин почувствовал, как теплеет на душе. Он поднял глаза на детей — те смотрели на него с нескрываемым ожиданием, их глаза так и блестели.

«Как можно отвергнуть столь искреннюю детскую заботу? К тому же, если вспомнить мою прошлую жизнь, я ведь им прихожусь названным отцом. Так что принять их подношения — дело вполне естественное и даже правильное».

Лю Чжэньцин мягко улыбнулся. Приговаривая, что вещей слишком много, он принялся перебирать подношения. Тащить с собой всё было невыносимо, поэтому стоило выбрать лишь самое полезное.

В итоге его выбор пал на изящный кинжал и небольшой флакон с противоядием.

Увидев это, ребята довольно переглянулись.

— А у тебя есть вкус! — самодовольно заявила Хо Юньцы. — На этот кинжал я потратила кучу сил. Клинок у него тонкий, словно крыло цикады, но сталь рубит железо, как масло. В самый раз для такого незащитного человека, как ты.

Ну и манеры у девчонки! Лю Чжэньцин вытащил оружие из ножен и сделал пару взмахов. На отполированном серебристом лезвии отчетливо отразилось его лицо. Действительно, великолепная работа.

— Дядюшка Лю, а это снадобье изготовил наставник нашей матушки, — пояснил Хо Юньцзянь. — Оно нейтрализует практически любые яды. Вещь редчайшая, на рынке за одну такую пилюлю просят не меньше сотни ланов, а здесь их целых пять. Если вдруг отравишься, сразу глотай.

Лю Чжэньцин откупорил флакон и принялся. Сомнений не было — работа его наставника. Надо же, как выросли цены! В его времена эти пилюли стоили куда дешевле.

— Ну как? — задорно спросила Хо Юньцы. — Отличные ведь подарки?

— О да, — ухмыльнулся Лю Чжэньцин. — Вещи знатные, а главное — дорогие. Если в дороге кончатся деньги, всегда можно будет заложить их в ломбард.

Дети синхронно вылупились на него.

Увидев, как беззвучно трясутся его плечи от смеха, они поняли, что их снова дразнят. И всё же в глубине души они подозревали: от этого непредсказуемого человека действительно можно ожидать чего угодно.

Шутки и смех помогли рассеять грусть расставания. Лю Чжэньцин понимал, что после этого путешествия вряд ли снова увидится с ребятами. Внимательно всмотревшись в их лица, он тихо произнес:

— Растите здоровыми, и пусть беды обходят вас стороной.

Оба ребенка на мгновение растерялись. Хо Юньцы неловко повела плечом:

— К чему такие речи, будто мы больше не увидимся? Неужели ты и вправду собираешься вернуться в свою глухомань после того, как всё закончится? Мы ведь уже так сдружились.

Лю Чжэньцин лишь мягко улыбнулся в ответ, ничего не обещая.

Хо Юньцы заволновалась. Им редко встречались взрослые, с которыми было так легко общаться. Они ведь надеялись... надеялись, что всегда смогут прийти к нему за советом, когда

столкнутся с трудностями.

Хо Юньцзянь тоже приуныл, но постарался сохранить твердость духа:

— У семьи Хо есть родственники на юге, и мы иногда навещаем их. Когда выдастся случай, мы обязательно разыщем тебя.

— Договорились, — тепло кивнул Лю Чжэньцин.

Пока они беседовали, во двор, сияя от радости, вбежал Дядя Тянь.

— Молодой господин, барышня! Госпожа возвращается!

— Что?! Матушка приехала?! — дети с восторженным воплем повскакали со своих мест.

А вот Лю Чжэньцин в тот же миг похолодел.

Дядя Тянь повернулся к нему:

— Господин Лю, какая удача! Госпожа возвращается как раз до вашего отъезда. Она сможет осмотреть вас и проверить ваше здоровье.

«Удача? Да это же просто издевательство судьбы! Осмотрит она меня... и сразу же отправит на тот свет!»

Когда Хо Фэнле вернулся в поместье, Дядя Тянь поспешил поделиться с ним радостной вестью.

Генерал ненадолго задумался.

— Значит, невестка уже...

— Она въехала в город, — подтвердил слуга. — Но, как обычно, сначала направится в Мавзолей, а после навестит родных в поместье Ли. Если судить по времени, дома она будет завтра к вечеру. Второй молодой господин, когда вы планируете отправиться в путь? Может, дождетесь её возвращения? К тому же, она Божественная целительница, могла бы осмотреть господина Лю и помочь ему вернуть память.

— Ты уже говорил с ним об этом? — спросил Хо Фэнле.

Дядя Тянь закивал:

— Говорил. Но господин Лю ведет себя очень скромно, словно боится нас обременить. Стоило мне упомянуть госпожу, как он тут же замахал руками и поспешил отказаться.

В глазах Хо Фэнле промелькнула едва заметная тень.

— Я понял. Поговорим об этом позже.

Оставив дворецкого, он направился в глубь поместья. На полпути он, как и ожидал, столкнулся с Лю Чжэньцином, который взволнованно мерил шагами дорожку сада.

Завидев генерала, тот торопливо подбежал к нему:

— Генерал Хо, вы закончили с делами? Когда мы выступаем?

— Всё готово, — спокойно ответил Хо Фэнле, внимательно вглядываясь в его лицо. — А когда бы хотелось тебе?

— Зачем откладывать? Давай прямо сегодня! — выпалил Лю Чжэньцин. — От этого ведь зависит, как скоро моих родственников выпустят из Небесной тюрьмы. Медлить нельзя!

Хо Фэнле молча смотрел на него сверху вниз. В его взгляде не было суровости, но Лю Чжэньцину на мгновение показалось, что его видят насквозь.

Генерал перевел взор на небосвод, где уже разгорался багряный закат. Выезжать сейчас означало провести ночь под открытым небом в дикой глуши.

Лю Чжэньцин натянуто усмехнулся:

— Хотя... пожалуй, до темноты мы далеко не уедем. Лучше тронемся завтра на рассвете, с первыми лучами солнца. Быстро преодолеем первый отрезок пути, и к ночи доберемся до следующего города.

Глядя на его суету, Хо Фэнле тихо спросил:

— Скоро возвращается моя невестка. Разве ты не хочешь встретиться с ней?

Лю Чжэньцин понимал, что этого вопроса не избежать, но его сердце всё равно тревожно екнуло.

— Ну что вы, я ведь посторонний мужчина, неловко тревожить госпожу Хо своим присутствием. К тому же я... я ведь из семьи Лю, куда мне соваться перед её очи, — смущенно

состроил он виноватую мину.

Хо Фэнле помрачнел еще сильнее, его губы сжались в тонкую линию, словно он категорически не желал слышать эти оправдания.

— Да и мешать вашей семейной встрече мне не хочется, — поспешно добавил Лю Чжэньцин, заискивающе улыбаясь. — Может, сделаем так: вы отправите меня из города вперед, а сами догоните позже?

На самом деле в его голове уже зрел коварный план — стоило вырваться за ворота в одиночку, и ищи ветра в поле.

— Исключено, — отрезал генерал.

Лю Чжэньцин мысленно выругался. Ну конечно, кто бы сомневался!

Заметив, как поскущнел его собеседник, Хо Фэнле всё же смягчился:

— Завтра утром. Мы выдвигаемся.

Лю Чжэньцин мгновенно повеселел и расплылся в улыбке:

— Прекрасно, договорились!

— Я велю Дяде Тяню собрать припасы. Тебе нужно взять что-то особенное?

Лю Чжэньцин покачал головой.

— Хочешь напоследок повидаться с родными из семьи Лю? — поинтересовался генерал.

Лю Чжэньцин снова отказался. Зачем ворошить прошлое? Им больше не о чем говорить.

Хо Фэнле не сводил с него пристального взгляда:

— Точно? Если перед отъездом у тебя осталось хоть какое-то неоконченное дело — только скажи.

Лю Чжэньцин уже приготовился в третий раз мотнуть головой, но генерал твердо добавил:

— Я исполню любое твоё желание.

Эти слова прозвучали так искренне и весомо, что Лю Чжэньцин невольно задумался. Есть ли в столице место, куда бы ему действительно хотелось прийти напоследок?

Вдруг его взгляд стал отрешенным, и он неосознанно посмотрел в сторону покоев Хо Фэйхэня.

«Я бы хотел... поклониться памяти Старшего брата».

В семейный Мавзолей Хо его, конечно, никто бы не пустил. Но он помнил, что в том уединенном дворе находилась Малая буддийская молельня, где покоилась поминальная табличка Хо Фэйхэня. В свои последние годы жизни Лю Чжэньцин, залечивая здесь раны у Божественной целительницы, перед каждым уходом обязательно заглядывал туда, чтобы зажечь благовония.

Встретившись с ожидающим ответом взглядом Хо Фэнле, Лю Чжэньцин пересилил себя и покачал головой:

— Нет, ничего.

Однако в следующий миг генерал тихо произнес:

— Тогда ступай собираться. А мне нужно пойти в молельню и зажечь благовония для брата.

Сердце Лю Чжэньцина болезненно сжалось. Вскинув голову, он на мгновение замер, словно замороженный глубиной чужих глаз.

— Хочешь пойти со мной?

В груди Лю Чжэньцина всё перевернулось от тревоги, но он быстро взял себя в руки и напустил на себя беспечный вид:

— Генерал Хо шутит. С чего бы мне, ничтожному, тревожить покой Великого маршала Хо? Не буду вас задерживать.

С этими словами он поспешно откланялся и поспешил скрыться в Дворике Снежного Пуха.

Хо Фэнле молча смотрел ему вслед, пока фигура юноши не скрылась за поворотом, после чего медленно направился к Малой буддийской молельне.

Вернувшись в комнату, Лю Чжэньцин не находил себе места. Поведение Хо Фэнле казалось

вопиюще странным. С какой стати суровому генералу предлагать совершенно постороннему человеку поклониться праху его покойного брата?

В чём тут подвох?

«Неужели этот упрямец опять что-то заподозрил? Но помилуйте, кто в здравом уме поверит в переселение душ или возвращение с того света? Даже найди он неопровержимые улики, разумный человек скорее решит, что сошел с ума, чем поверит в подобное чудо. Разве что Эрдгоу знает, что я изначально был пришельцем из другого мира... Но это исключено. Тайна моей первой жизни похоронена так глубоко, что я унесу её с собой в могилу во второй раз».

Его прежние попытки разыгрывать комедию и отводить от себя подозрения теперь казались излишней паранойей. Если рассудить здраво, бояться было нечего.

И всё же таинственные намеки Хо Фэнле заставляли его всерьез беспокоиться.

Но ведь если бы генерал действительно раскрыл его личность, он бы вел себя совершенно иначе! Не стоит забывать, что именно этот человек безжалостно раскопал его могилу.

Лю Чжэньцин так долго перебирал в голове эти мысли, что совершенно лишился сна. Глубокой ночью, устав метаться по постели, он решил выйти в сад, чтобы освежиться и в последний раз полюбоваться ночным небом столицы.

Он намеревался подняться в беседку на холме, откуда открывался лучший вид, но стоило ему переступить порог, как он заметил чужое присутствие.

У самого ручья, под раскидистой ивой, молча сидел Хо Фэнле. Рядом с ним на траве выстроилось несколько запечатанных кувшинов с вином. Порывы прохладного ветра ласкали его лицо, шевеля пряди темных волос. Он сидел, низко опустив голову, и в его суровом, безупречно очерченном лице сквозила такая беспросветная тоска, что он казался одиноким призраком под бледной луной, готовым растаять с первыми лучами рассвета.

Лю Чжэньцин невольно залюбовался. Таким своего Эрдгоу он не видел еще никогда.

Впрочем... вино?

В его голове мгновенно созрел дерзкий план. Он прекрасно помнил, что у Эрдгоу была на редкость слабая сопротивляемость хмелю. Ему хватало буквально пары глотков, чтобы опьянеть. А во хмелю этот суровый воин превращался в на редкость послушного и ласкового ребенка, который лип к людям и выпрашивал объятия. В таком состоянии из него можно было вить веревки. Упускать столь редкий шанс разузнать правду о его подозрениях было бы глупостью, ведь бежать вслепую — слишком большой риск.

Лю Чжэньцин решительно зашагал по траве.

— Генерал, отчего вы пьете в одиночестве под покровом ночи?

На самом деле Хо Фэнле почуял его появление еще у порога дома, но поднял голову только тогда, когда юноша подошел вплотную.

— Господин Лю еще не спит?

Лю Чжэньцин мысленно отметил, что голос генерала звучит вполне отчетливо. Должно быть, только начал. Он скользнул взглядом по траве: «Ого, целых десять кувшинов! Кого ты пытаешься обмануть, парень?» Пусть прошло восемь лет, и его выносливость могла возрасти, врожденную непереносимость алкоголя никакими тренировками не исправить.

Сам Лю Чжэньцин, напротив, всегда отличался завидной стойкостью к хмелю. В прежние времена даже Хо Фэйхань не мог его перепить — Лю Чжэньцину требовалось не меньше сотни чарок, чтобы захмелеть.

— Завтра мы уезжаем, вот и не спится, решил прогуляться, — с улыбкой соврал Лю Чжэньцин.
— Позвольте составить вам компанию, или генерал предпочитает уединение?

С тех пор как Лю Чжэньцин оказался в этом поместье, он при любом удобном случае старался держаться от хозяина подальше. Его внезапное дружелюбие не могло не вызвать у Хо Фэнле подозрений.

Тем не менее генерал молча похлопал по траве рядом с собой, приглашая сесть. Стоило Лю Чжэньцину опуститься рядом, как Хо Фэнле протянул ему непочатый кувшин.

— В таком случае я с радостью разделю с вами эту ночь. Прощу вас, генерал! — весело воскликнул юноша, принимая вино.

Его оживленный вид, лукавые искорки в глазах и хитрая улыбка выдавали скрытый умысел с головой.

Но Хо Фэнле не хотел думать о плохом. Он легонько стукнул своим кувшином о кувшин гостя и сделал глоток. Впервые за долгое время хмельная влага не показалась ему горькой на вкус.

Опустел один кувшин, следом за ним — второй... Внезапно раздался глухой стук покотившейся по земле глины, и легкое тело без сил рухнуло прямо на грудь Хо Фэнле.

Генерал оцепенел, не веря собственным глазам.

«Неужели... он пьян?»

Пока Хо Фэнле пребывал в растерянности, захмелевший гость уже уцепился за его широкие плечи и с трудом приподнялся, уставившись на него мутным, расфокусированным взглядом.

Генерал застыл, не смея пошевелиться.

Внезапно губы Лю Чжэньцина расплылись в широкой, глуповатой улыбке.

— Эрдгоу?..

Хо Фэнле вздрогнул, уставившись на юношу во все глаза.

— Эрдгоу, как же ты вырос, — ласково пробормотал Лю Чжэньцин. Его глаза смеялись, хотя взгляд блуждал где-то в стороне. Он протянул руку и бесцеремонно коснулся лица застывшего мужчины, неторопливо очерчивая пальцами каждую линию: провел по волевому подбородку, коснулся горячих, плотно сжатых губ, легонько ущипнул за прямой нос. Натешившись, его ладонь скользнула ниже, задержавшись на резко очерченном кадыке. — И даже здесь стал совсем взрослым...

Кадык генерала судорожно дернулся. Он тяжело сглотнул, лицо его залила краска смущения.

Лю Чжэньцин попытался опереться ладонями о его грудь, чтобы подняться, но земля ушла у него из-под ног, и он снова плашмя повалился на Хо Фэнле.

Тело воина стало твердым как камень. Мысленно вздохнув, он осторожно приобнял юношу за талию, помогая удержаться:

— Ты пьян.

— Кто пьян? Я?! Да я могу выпить целое море, — заплетающимся языком возразил Лю Чжэньцин, шаря рукой по траве в поисках утерянного кувшина. Однако его тонкое запястье тут же перехватили сильные пальцы.

— Хорошо, ты трезв, это я пьян. Давай больше не будем пить, ладно... Цин-гэ? — тихонько проговорил Хо Фэнле. Его голос, непривычный к столь нежным интонациям, прозвучал хрипло и глухо.

— Снова сломался? Эх ты, Эрдгоу... Так дела не покроются! Настоящий мужчина должен уметь держать удар хмеля, тренироваться надо! — Лю Чжэньцин шутливо потрепал генерала по макушке, словно маленького ребенка. — Вот женишься ты, гости на свадьбе напьются, начнут тебя спаивать. И что тогда? В опочивальню к молодой жене тебя слуги на носилках понесут?

Обхохочешься ведь! Ха-ха... Твоего брата в свое время еле от такой беды уберегли.

Хо Фэнле молча смотрел на покачивающегося юношу, и взгляд его становился всё темнее.

— Не понесут. Давай, Цин-гэ, поднимайся.

С этими словами он бережно обхватил Лю Чжэньцина под мышки и заставил встать.

Но ноги того совершенно не держали, и он безвольно повис на плече генерала, точно тряпичная кукла. Хо Фэнле уже собирался понести его в покои, как вдруг хмельной юноша порывисто рванулся вперед и крепко обхватил его руками за шею.

От неожиданного толчка Хо Фэнле покачнулся и спиной врезался в ствол старой ивы.

Над ними колыхались тонкие ветви, лунные блики дрожали на воде ручья, наполняя ночь дурманящим очарованием.

Хо Фэнле почувствовал, как участилось его собственное дыхание. Его руки сами собой потянулись, чтобы сжать юношу в ответных объятиях, но в этот момент до его слуха донеслись чьи-то шаги.

Генерал замер. Из темноты сада с фонарем в руках показался Дядя Тянь. Увидев эту картину, старик от неожиданности едва не выдрал себе клоч бороды.

Не дав дворецкому вымолвить ни слова, Хо Фэнле подхватил бесчувственное тело на руки и быстрым шагом направился в сторону Дворика Снежного Пуха.

Старый слуга на негнущихся ногах поспешил следом, но перед самым его носом захлопнулась дверь — уходя, генерал небрежно толкнул её ногой.

Глухой стук заставил дворецкого вздрогнуть. Старик ошарашенно уставился на закрытую створку, хватаясь за сердце.

«Что здесь происходит? Это... это же совсем ни в какие ворота не лезет! Второй молодой господин ведь сейчас выйдет, верно? Он просто уложит его спать... Господин Лю просто перебрал лишнего...»

В комнате Хо Фэнле осторожно опустил ношу на постель, снял с него верхние одежды, обувь и убрал мешающий валик. Устроив гостя поудобнее, он хотел было подложить ему под бок подушку, как вдруг Лю Чжэньцин резко перевернулся и ухватил его за рукав.

Хо Фэнле никогда не сопротивлялся его силе. Позволив увлечь себя, он повалился на постель рядом.

Его немалый рост и крепкое тело тут же приспособили вместо подушки — Лю Чжэньцин обвил его руками и ногами крепко-накрепко, словно осьминог.

В лицо ударил теплый винный запах, лишая способности трезво мыслить. Эти нелепые, удушающие объятия раньше являлись генералу лишь в самых сокровенных снах.

Хо Фэнле повернул голову и посмотрел на спящего. Тот лишь тихо сопел, даже не думая отпускать свою добычу.

Почувствовав, как Лю Чжэньцин пошевелился и уткнулся носом в его шею, словно пытаясь спрятаться от всего мира, генерал невольно улыбнулся.

Но в следующий миг юноша что-то бессвязно пробормотал во сне. Улыбка тут же сошла с лица Хо Фэнле, и он пристально вгляделся в родные черты.

— Ты не хочешь видеть мою невестку, отказываешься почтить память брата и даже не взглянул на свою семью... Неужели ты действительно решил уйти навсегда? — тихо, едва слышно спросил он.

Спустя мгновение донесся сонный, едва различимый шепот:

— Угу...

Взгляд Хо Фэнле дрогнул.

— Неужели... здесь не осталось ничего, что держало бы тебя? Даже его ты больше не хочешь видеть?

— Я хочу уйти... Правда хочу... Никогда больше не вернусь, — донесся тихий, умоляющий лепет.

Эти слова прозвучали для генерала словно смертный приговор, сковавший его ледяным холодом.

Перед его глазами встали картины прошлого. Ему было пятнадцать лет, когда после Персикового банкета он нес на спине пьяного Лю Чжэньцина. Тот плакал, прижимаясь к нему, и шептал, как ему страшно. Как он боится не вынести на своих плечах бремя целой империи, боится оказаться плохим канцлером и не оправдать доверия покойного наследного принца.

Именно в ту ночь юный Хо Фэнле принял решение отправиться на войну, чтобы стать щитом для этого человека.

А теперь Лю Чжэньцин просил лишь об одном — отпустить его.

Хо Фэнле медленно прикрыл глаза и осторожно, едва касаясь, обнял спящего в ответ.

Луна зашла, звезды погасли в предрассветных сумерках. Дядя Тянь караулил у дверей всю ночь, не смыкая глаз. В его старой голове пронеслись сотни самых невообразимых сценариев. Когда небо на востоке начало светлеть, а заветная дверь так и не открылась, старик окончательно пал духом.

Второй молодой господин никогда не делил ложе ни с кем. В прошлые годы даже самые искушенные искусители, пытавшиеся пробраться к нему в постель, вылетали вон быстрее ветра. Кое-кто даже пытался использовать дурмящие зелья, но генерал оставался непреклонен.

И надо же — свершилось! Это ведь была первая ночь их господина с кем-то наедине!

Вдруг издалека донеслись детские голоса. Старик испуганно охнул, заведя приближающихся близнецов.

Заметив дворецкого, дети удивленно переглянулись.

— Дядя Тянь? — спросил Хо Юньцзянь.

Хо Юньцы подскочила ближе и ухватила старика под руку:

— Вы пришли разбудить дядюшку Лю? Хи-хи, он такой лежебока! А спит он в таких забавных позах...

Дядя Тянь уже взмок от холодного пота. Его единственным желанием было поскорее увести этих сорванцов подальше, пока они не стали свидетелями того, о чем детям знать точно не следовало.

В этот самый момент засов тихо скрипнул, и дверь распахнулась.

Дети замолчали на полуслове и уставились на вышедшего из комнаты дядю.

Оба застыли как вкопанные.

Хо Фэнле выглядел так, словно не сомкнул глаз ни на минуту: его одежда была измята, волосы слегка растрепались, но самое ужасное — на его шее красовался отчетливый красноватый след! Увидев это, старый Дядя Тянь чуть не лишился чувств.

— Что вы здесь делаете? — раздался холодный, ровный голос генерала.

Пока девочка хлопала глазами, Хо Юньцяннь быстро сообразил:

— Мы прослышали, что вы уезжаете на рассвете, и пришли проводить дядюшку Лю.

— Он еще спит. Зайдите через полчаса, — коротко бросил Хо Фэнле.

Хо Юньцы удивленно всплеснула руками:

— Оказывается, второй дядя сам пришел его будить! А почему тогда не растолкал? Нам ведь пора в путь!

Едва живой от страха Дядя Тянь вовремя спохватился и, опережая ответ генерала, затараторил:

— Господин Лю слаб здоровьем, ему нужно побольше отдыхать. К тому же повозка еще не готова, пускай поспит.

С этими словами он поспешно спровадил детей на кухню под предлогом проверки завтрака.

Как только близнецы скрылись из виду, дворецкий с самым серьезным видом обратился к хозяину:

— Второй молодой господин, неужели вы провели всю ночь в его покоях?

— Да, — безучастно отозвался Хо Фэнле и, погруженный в свои думы, направился к собственному двору.

Старик остолбенел.

«Но ведь вы сами говорили, что господин Лю к вам равнодушен! К тому же он ничего не помнит... Неужели дело дошло до принуждения? И это прямо перед дальней дорогой! Как бедный юноша перенесет путь?»

— Господин! — взмолился старик. — Может, отложим отъезд на пару дней? Пускай господин Лю восстановит силы, да и госпожу дождетесь.

Дядя Тянь испереживался пуще прежнего. С одной стороны, отрадно, что суровый генерал наконец проявил интерес к кому-то, но с другой — подобные вольности казались совершенно непозволительными. Порядочные люди так себя не ведут!

Хо Фэнле удивленно взглянул на слугу:

— Нет. Выезжаем через час. Вели подать повозку.

У старика голова пошла кругом. «Сам глаз не сомкнул, так еще и бедного юношу не жалеет! Неужели из-за полного отсутствия опыта он не понимает, насколько это тяжело для слабого тела?»

Однако, не дав ошарашенному Дяде Тяню задать ни одного вопроса, Хо Фэнле скрылся в своих покоях.

Глядя вслед уходящему хозяину, старик лишь сокрушенно вздыхал. Делать нечего — он велел слугам уложить на сиденье повозки как можно больше мягких подушек, а сам, прихватив аптекарский ларец, поспешил в Дворике Снежного Пуха.

«Наказание господне! Молодой господин глупостей натворил, а мне, старому, теперь со стыда сгорать, заботясь о деликатных снадобьях!»

Движимый чувством долга, дворецкий постучал в дверь и, не услышав ответа, осторожно заглянул внутрь. Лю Чжэньцин сидел на постели в одном нижнем белье. Взгляд его был пустым, а сам он казался совершенно раздавленным.

«О пресветлые предки... Неужели всё действительно произошло против его воли?» — мысли старика унеслись в самые мрачные дебри.

А в это время в голове самого Лю Чжэньцина бушевал ураган:

«Какого черта я так быстро отключился? Моя хваленая стойкость к алкоголю... Стоп! Мое нынешнее тело! Проклятье, я же совсем забыл, что теперь нахожусь в чужой оболочке! В памяти абсолютная пустота. Удалось ли мне хоть что-то выведать у Эрдоу? Или я спяну выболтал лишнее? Нет, Эрдоу ведь тоже слаб на выпивку, наверняка мы оба лыка не вязали. Но как я оказался в постели? И кто меня сюда притащил?»

От досады Лю Чжэньцин принялся колотить себя кулаками по голове, тщетно пытаясь вернуть воспоминания.

Дядя Тянь перепугался не на шутку: «Он уже калечит себя от отчаяния!»

— Господин Лю! — торопливо окликнул его старик.

Лю Чжэньцин вздрогнул. Погруженный в раздумья, он не заметил, как в комнату кто-то вошел.

— Дядя Тянь?

Убедившись, что юноша не собирается причинять себе вреда, Дядя Тянь осторожно приблизился:

— Господин Лю, как вы себя чувствуете? Есть ли боли в теле? Прошу вас, не принимайте близко к сердцу... Во всем виноват наш хозяин, он проявил несдержанность...

Заметив виноватый вид старика, Лю Чжэньцин решил, что тот имеет в виду их вчерашнюю попойку. Должно быть, они оба напились до беспамятства, и несчастному слуге пришлось разносить их по спальням.

— Ну что вы, его вины тут нет, — нахмурившись, отозвался юноша. — Главное, чтобы я сам вчера не натворил глупостей.

Старик онемел от изумления.

«Что за поразительное смирение! Неужели он готов терпеть такое отношение только ради спасения своей семьи? Да, участь родственников Лю и его собственная жизнь сейчас целиком во власти генерала, но негоже опускаться до подобного бесчестия! Будь господин Лю в своем уме и люби он нашего хозяина, как прежде — дело другое, но ведь сейчас всё совсем иначе...»

Пока дворецкий подбирал нужные слова, Лю Чжэньцин внезапно подскочил на постели, легким движением спрыгнул на пол и пробежал к окну, чтобы проверить положение солнца.

Дворецкий лишь рот разинул от удивления.

— Слава богам, еще не поздно, — с облегчением выдохнул Лю Чжэньцин. — Дядя Тянь, мы ведь уже уезжаем? Я мигом соберусь!

Какие бы тайны ни скрывала прошлая ночь, сейчас главным было одно — уносить ноги!

Глядя на то, с какой поразительной ловкостью юноша порхает по комнате, укладывая вещи, Дядя Тянь вымученно улыбнулся и поспешил спрятать ларец с лекарствами за спину.

Выйдя во двор, старик облегченно перевел дух. Ну конечно, старый дурак, напридумывал невесть чего! Разве мог их благородный генерал пойти на такое насилие?

Но сделав пару шагов, старик снова нахмурился. А как же тогда объяснить ночевку? А те недвусмысленные следы? Да и объятия под ивой ему точно не привиделись!

Все эти терзания прекратились лишь тогда, когда Лю Чжэньцин, забираясь в повозку, с искренним удивлением спросил, зачем внутри уложено столько пуховых подушек. Старик мысленно махнул рукой: ладно, уезжают — и слава богам, незачем забивать себе голову.

— Дорога предстоит долгая и неровная, так будет мягче, — с улыбкой пояснил Дядя Тянь.

— Спасибо за заботу, дядя Тянь, — поблагодарил Лю Чжэньцин. Он ласково потрепал по макушкам приунывших близнецов и забрался внутрь экипажа, задернув плотную штору.

Хо Фэнле ехал верхом на боевом коне. Выведя скакуна из конюшни, он обменялся коротким взглядом с Лю Чжэньцином, который на секунду выглянул из окна кареты.

Генерал держался с привычным бесстрашием, что позволило юноше немного успокоиться. Но стоило кучеру взяться за вожжи, как неподалеку раздался звон дорожных колокольчиков.

Лю Чжэньцин не успел обернуться, как близнецы радостно закричали на всю улицу:

— Матушка приехала!

Лю Чжэньцин замер, после чего стремительно задернул занавеску. Оказавшись в полумраке экипажа, он мысленно обругал себя за трусость. К чему прятаться? Раз уж встреча неизбежна, придется выйти и засвидетельствовать почтение. Главное — сохранять спокойствие, не смотреть ей прямо в глаза и говорить как можно меньше. Тогда всё обойдется.

Тем временем из подъехавшего экипажа легко выпрыгнула Ли Синжо. Она тут же заключила в объятия подбежавших детей, мимоходом ощутив их пульс на запястьях:

— Отлично, здоровы.

Годы словно обошли эту женщину стороной. Она оставалась столь же статной, изящной и строгой, излучая неоспоримый авторитет. Присутствующие тут же склонились в вежливом поклоне.

— Госпожа, отчего вы вернулись так рано? — радостно поприветствовал её Дядя Тянь.

— Сама не знаю. Вчера посреди ночи проснулась от недоброго предчувствия и решила не медлить, — ответила Ли Синжо, оглядывая сборы. — И, как вижу, не ошиблась. Чжаньюань, куда это ты собрался?

Хо Фэнле спешился и подошел ближе:

— Приветствую, невестка. Я получил императорский указ отправиться на юг для расследования дела о злоупотреблениях на императорских экзаменах.

Ли Синжо недовольно нахмурилась:

— Ладно еще, когда тебя отправляют проливать кровь на границу, но с каких пор военные должны копаться в делах гражданских чинуш? В столице перевелись министерские бездельники? Из тебя вечно пытаются сделать ездового быка, будто ты двужильный!

Окружающие слуги поспешно опустили головы, делая вид, что оглохли. Лишь Хо Фэнле сохранял полное спокойствие:

— Служить государю — долг каждого верного подданного.

Ли Синжо фыркнула и уже собиралась высказать всё, что думает об императорском дворе, как вдруг взгляд её зацепился за фигуру у кареты.

— А это еще кто?.. Тот самый малец из семьи Лю, который бегал за тобой по пятам?

Хо Фэнле обернулся. Лю Чжэньцин уже спустился на землю и застыл в глубоком, почтительном поклоне:

— Ничтожный Лю Сяочжу приветствует госпожу Хо.

Ли Синжо в недоумении воззрилась на деверя.

— Дядя Тянь позже всё объяснит, — уклонился от расспросов Хо Фэнле, вежливо сложив ладони перед грудью. — Время не ждет, нам пора.

— Что?.. — растерялась целительница, но генерал уже жестом велел Лю Чжэньцину вернуться в повозку.

Тот и сам не ожидал, что отделается так легко. Столько душевных сил ушло на то, чтобы заставить себя выйти, а в итоге разговор закончился, даже не успев начаться! Настоящее чудо. Не теряя времени, Лю Чжэньцин отвесил прощальный поклон и юркнул обратно в карету.

Старый Дядя Тянь попытался было вставить слово о потере памяти у гостя, но его проигнорировали.

— Амнезия? Как любопытно, — оживилась Ли Синжо.

— В этом нет нужды, он в порядке, — сухо отрезал Хо Фэнле.

Видя, как торопится деверь, Ли Синжо решила не задерживать его попусту.

— Дорожную аптечку собрал?

Хо Фэнле кивнул.

Тогда женщина без лишних церемоний перехватила его за запястье, нащупывая пульс. Генерал даже не попытался отстраниться.

Тонкие брови целительницы сошлись у переносицы, лицо стало предельно строгим:

— Приступы в последнее время участились. Жизнь не мила, Чжаньюань?

— Случайность, — коротко отозвался тот.

— Случайность у него... Если едешь на юг, обязательно заверни к моему наставнику. Он прислал весть, что нашел новый способ лечения, — строго пригрозила Ли Синжо, сверля его взглядом. — И только попробуй проехать мимо! Не явишься сам — я лично выслежу тебя и притащу на аркане. Вопросы есть?

Хо Фэнле посмотрел ей прямо в глаза и неожиданно мягко произнес:

— Я обязательно навещу его.

Целительница опешила. Прежде он сотни раз отмахивался от её уговоров, но на этот раз в его голосе прозвучала искренняя готовность.

— Ступай уже, глаза бы мои тебя не видели, — притворно заворчала она, махнув рукой. — Возвращайся поскорее.

Хо Фэнле откланялся, легко взлетел в седло и тронул коня с места.

Повозка медленно покатила мимо провожающих. Ли Синжо провожала деверя взглядом, как

вдруг почувствовала на себе чужой взор. Она резко обернулась, но успела заметить лишь край опускающейся оконной шторы кареты.

Она задумчиво потерла подбородок и, ухватив за рукав дворецкого Тяня, зашагала к дому:

— Ну-ка выкладывай, что тут стряслось? С какой стати наш Эрдгоу везет с собой этого юнца из семьи Лю?

Старик на ходу принялся сбивчиво излагать события последних дней. Следуя привычке, Ли Синжо направилась напрямик к внутреннему двору генерала, где всегда любила посидеть под тенью раскидистой ивы.

Но стоило ей войти на территорию сада и бросить взгляд вперед, как старый слуга умолк, прерванный оглушительным, полным ярости криком:

— Моя ива! Кто ободрал дерево?!

Вскоре повозка миновала массивные городские ворота Императорской столицы.

Оказавшись за пределами города, Лю Чжэньцин наконец-то с облегчением перевел дух. Он приоткрыл занавеску и выглянул наружу. Хо Фэнле ехал верхом по правую руку от экипажа.

Заметив движение, генерал повернул голову, и Лю Чжэньцин расплылся в дружелюбной улыбке:

— Генерал, не могли бы мы немного свернуть с пути? Мне нужно забрать одну вещицу.

«Какое мне дело до расследования этой государственной измены? Раз семья Лю ни в чем не виновата, их жизням ничто не угрожает, а возможная немилость императора — это уже забота судьбы. Я ни за что не полезу в это болото. Жить под одной крышей с Эрдгоу и притворяться кем-то другим круглые сутки — верный способ выдать себя. Я не хочу снова закончить свои дни на плахе».

«Следить за мной будут только один генерал да кучер, от них ускользнуть — пара пустяков. Оставлю записку с извинениями, а поскольку у Эрдгоу полно более важных государственных дел, он точно не станет тратить время на поиски беглого недоразумения. Конечно, немного совестно перед Эрдгоу и родом Лю, но иного выхода нет. Моя цель в этой новой жизни — абсолютный покой, лень и праздность. Я буду бездельничать до скончания веков, как и планировал с самого момента перерождения».

Для успешного побега требовались две вещи: новая личность и звонкая монета.

Подорожная грамота с новыми документами лежала у него за пазухой, а вот все сбережения остались в вещах семьи Лю. Чтобы не оказаться на улице нищим бродягой, первым делом ему следовало вернуть свое скромное состояние.

Лю Чжэньцин мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Всё-таки настоящий мужчина всегда должен иметь в запасе надежный путь к отступлению.

<http://bllate.org/book/20542/2213533>